

Жорибас
Багряный

САД

Барнаул, 2018

Евгений Орлов сейчас живет в Когалыме, работает офтальмологом. Куда только не заносила его судьба (см. автобиографическое предисловие) — но стихотворный сборник «Сад» Евгений издает в родном Барнауле. Барнаулская ностальгия пронизывает книгу. Многие стихи посвящены старым друзьям, весь «Сад» — Алексею Борисовичу Шадымову, другу юности и коллеге.

Еще в студенческие времена будущие врачи за свой счет издали в Москве элегантный черный том в твердой обложке «66 из того, что было под руками» — хулиганские стихи под хулиганскими псевдонимами, иллюстрированные рисунками Евгения Орлова. Именно тогда впервые прозвучал псевдоним Жорибас Багряный, под которым автор решил выпустить «Сад», избранное и своего рода итоговое. Не зря все стихи помечены конкретными датами: это и зарубки на память, и знак того, что ничто не забыто.

Мы с тобой были всегда наравне,
Мы — дети товарного и книжного голода,
Ирисок «Кис-кис», чёрно-белого блюза,
Кафе «Под Шпилем», пивного солода.
В зрчках навечно панорама улиц
Старого города.

(Из стихотворения «Современнику»)

Блюзовые и рок-н-рольные интонации обусловлены не только посвящениями героям джаза и рока, реминисценциями и парафразами знаменитых композиций, но мировоззренческими и эстетическими пристрастиями поколения Жорибаса Багряного. Отсюда — порой рваный ритм, продуманные «неправильности», формальная и эмоциональная разлохмаченность стихов.

ЮЛЕ

В одном далёком сибирском городе,
В июне всегда по самые крыши
Засыпанном аллергическим пухом,
Зимой жёлтогрудые птицы
Не летают, а плавают
В туманном холоде,
Пицца так тонко, что сквозь шапку
Почти не слышно ухом,
Иногда залетая погреться
В открытой форточке.
Ребёнок видит её из комнаты:
«Ой, мама, птичка! Давай покормим!» —
Чтоб не спугнуть — тихонечко, почти шёпотом...

Горожане там веруют твердо:
Когда зима, надо выпивать понемножку,
Пришла весна — поделись рассадой,
Не забудь посадить картошку!
Летом — откармливать комара,
Смотреть на дождь из окошка,
Если всё это достало совсем,
Собирайся в Москву!
И оттуда люби свой город,
Только присядь на дорожку.
Жизнь тебя на сто раз прокрутит,
Проверяя на крепость тесто,
Но всегда за спиной у тебя
Городок в белой дымке стоит,
Он пушист — как невеста!

Первый раздел книги называется «Посвящения»: друзьям, Пако де Лусия, Габриэлю Гарсиа Маркесу, Мику Джаггеру, деду-фронтовику (иллюстрация к этому стихотворению — почти единственная фотография среди графики и живописи Евгения Орлова). Дизайнер «Сада» — тоже старый друг автора Александр Целовальников.

Второй раздел — «Лирика». Никаких сентиментальных соплей, только яркая мальчишеская память, в которой сохранилась каждая деталь чувства и пейзажа.

* * *

Вновь октябрь расклеил по асфальту
Ставшие ненужными листья.
Время жить и пить вино за гаражами,
Окунаться в грёзы и мечты.
И сегодня, в тёплый день дождливый,
Ты, смеясь, шепнешь, что все не зря!
И мы вновь пойдём, обнявшись и дурачась,
По самой октябрьствующей из всех на свете
Площадей Октября.

На десерт — финал предисловия:

«...несмотря ни на что, из меня то и дело выглядывает, выступает, иногда прямо выпирает этот Барнаул. Город «Б», Барнеаполь, Столица Мира ... Мой Родной

Город!
Искренне Ваш, Жорибас.
А теперь, давайте немного почитаем.
Поехали!»

Наталья Николенкова

Елена
Ожич

ДЕВЧАЧЬИ НЕЖНОСТИ

Барнаул, 2018

Рукопись Елены Ожич «Девчачьи нежности» стала победителем конкурса детской и юношеской прозы ЛитРес: Самиздат — 2018. Благодаря этому мы имеем возможность прочитать очередную книгу известной барнаульской писательницы, фрагменты которой автор выкладывала в соцсетях, тербя ностальгические и родительские струны в душах своих читателей. Сколько узнаваемых деталей (да все!), сколько потрясающих событий в, казалось бы, обычной размеренной жизни, сколько иронии и, самое обаятельное, самоиронии в этой Ожич!

Обложка оформлена незамысловато, но вполне по теме, она напоминает милые цветочные обои девичьей спальни. «Девчачьи нежности» — это около двух десятков маленьких рассказов-эссе, написанных от имени самой Елены («Она») и ее старшей дочери-подростка («Я»). Посвящается, конечно, «Моим дочерям».

«Но едва я вышла из примерочной, то поняла: рано радоваться, сейчас мама отмочит номер! В руках у нее были точно такие же джинсовые шорты, как у меня.

Мама, нет! Одумайся! Не надо! Остановись, пока не поздно. Тебе сорок лет, какие шорты? (...)

В этих шортах мама гуляла все лето. Вместе с Котькой по всем окрестным песочницам. И еще приговаривала:

— Лето в песочнице — это почти как лето на курорте: наряды примерно одни и те же.

И я тоже гуляла в таких шортах. И думала: «Не, ну а че, пусть гуляет, она ведь у меня не толстая».

А однажды она приехала ко мне в этих шортах в лагерь и говорит:

— Ой, твои-то грязные какие. Давай махнемся. — И мои надела, и домой в них уехала. Все-таки иногда очень даже неплохо, когда твоей маме нравятся те же вещи, что и тебе».

(«Я. Шортики»)

Самая пронзительно-печальная новелла в книжке — «Она. Открытки». О бумажных открытках, которые мы в детстве подписывали к разным праздникам

десятками. О наших детских советских коллекциях открыток. О переписке с друзьями из соцстран. Об открытках как материальной памяти. И об опыте потерь. Тот погиб в Грозном, ту убили, тот утонул... А детский разум отказывается верить в смерть и представляет: «...человек не умер, а просто куда-то далеко уехал — туда, где ему так хорошо, что нет даже времени надписать открытку».

Однако и другие истории, даже самые забавные, даже заставляющие хохотать, все равно несут в себе неуловимую нотку грусти: потому что мамино-папино детство — позади, потому что и твое детство когда-нибудь закончится, потому что никогда уже не будет таких вкусных конфет, таких красивых фантиков, таких возделенных фигурных коньков, таких ослепительно-прекрасных книг, такой незабываемой безответной школьной любви...

С другой стороны, твое детство будет непрерывно продолжаться в следующих поколениях. У них будут свои открытия, радости и разочарования, потери и обретения — все то, что делает нашу жизнь по-настоящему бесконечной.

«Не очень-то я люблю все эти девчачьи нежности. Но я хочу, чтобы всегда-всегда между нами оставались несколько неразрушимых ни временем, ни людьми, ни нами самими невидимых волокон, — пишет Елена Ожич, обращаясь к своим «резервным копиям», к своим дочерям. — Я же человек с продолжением. С двойным продолжением».

Наталья Николенкова

Александра
Малыгина

ДУРЁХА

Барнаул, 2018

Поэт Александра Малыгина выпустила книгу с отважным названием «Дурёха», хотя могла бы назвать «Адам и Ева», потому что множество стихотворений — именно о них, в разных ипостасях. Название оправдано уже первым стихотворением:

***

Что я такое? Ветер по щекам,
По ветру юбка...
Я улыбаюсь морякам,
Они голубкой
Меня зовут, и я смею,
Улыбка шире —
Как будто нет меня белее
В огромном мире.

А самый смелый подойдёт
Поближе глянуть —
Улыбка ясная сойдёт,
И я отпряну.
Забьётся голубем сердчишко,
Взгляну понуро:
Меня признают гордой слишком,
Окрестят дурой.

Малыгина — поэт молодой, и стихи ее — молодые (а ведь очень часто юный возраст не мешает стихотворцам быть «умудренными» и занудными). Мы следим за судьбой лирической героини: ее метания и умиротворения, ее одиночество в ночи, ее встречи и расставания, мы угадываем те расставания, которые навсегда... Понимаем, что автор пишет о себе, и именно поэтому — о каждом из нас. Те, кто знаком с Сашей, знают, что пережить ей пришлось уже немало, были в жизни настоящие, большие потери. Но всякого писателя, в конечном счете, делает горе. Кто не страдал, тот не напишет, как ни банально это звучит. И Александра пишет все обнаженней, все ярче, все больнее. Когда читатель приходит в резонанс с такими стихами — тут он и обретает катарсис и душевное (духовное) освобождение.

***

Мы встретимся, я верю, без остатка,
За мраком — светлый сад, небесный град.
Там правила такие же, как в прятках, —
Кто ищет, тот найдет, бьюсь об заклад.

Многоголосое прольётся птичье пенье,
Заполнив каждый тихий уголок,
И остановится прекрасное мгновенье,
Дождаться б только... Дай терпенья, Бог.

Но она остается легкой, красивой, остроумной, способной повести за собой на разные поэтические авантюры. Мне увиделись мотивы цветаевского «Вечернего альбома» («Моим стихам, написанным так рано...»).

***

Кормлю стихи с ладони, боюсь спугнуть.
Ловить их — не по мне, не по плечу ноша:
Над бумагою спину до смерти гнуть.
Лучше брошу еще им сердечных крошек —
Пусть едят, насыщаются, пусть растут,
Пусть к другим не бегают за подкормкой...
Без меня их изловят и издадут
в беломсях книгах —
хранить на полках.

Думаю, секрет Александры Малыгиной — в непостижимом единстве юношеской свежести и, одновременно, трагичности восприятия мира, который ласкает ветром, яблоками, бабочками, стрекозами, цветами и сразу же обжигает любовью и болью (что, в сущности, одно и то же). В стихах она обращается к себе самой, к любимому, к Богу, в конечном счете — к каждому, кто однажды жил, думал, чувствовал, терял и обретал вновь.

***

Цвела сирень, июнь был сочен —
Дождь из-за каждого угла,
А я проснулась среди ночи,
Занемогла.

Не воспаление, не рана,
Не перелом и не удар...
Диагноз оказался странным —
Любовный жар.

Потом меня везли в больницу
Мимо фонтанов и огней,
И продолжало становиться
В груди больней.

Врачи уверенно сказали:
Мне очень нужно, чтобы жить,
Искать тебя в толпе глазами
И находить.

А еще она любит трамваи и поезда. Для нее даже метафора смерти — поезд с проводницей,

Что искоса глядит на каждого из нас.
И к ней не подойти, и к ней не приспроситься,
Когда перед дорогой вдохнёшь в последний раз.

В иллюстрациях Екатерины Рейзбих угадывается портрет автора стихов: тут и «пушистые» рисунки с ее любимыми плюшевыми медведями, и морская тема, и ветер, срывающий листья и волосы, и снег, и кошки против голубей... Есть рисунки лирические, есть драматические. Иллюстраций много, и они придают книге особый вкус. И вообще, Алтайский дом печати, издавший книгу, отличается высоким качеством исполнения.

А редактор у Малыгиной, я думаю, лучший — Валерий Котеленец, поэт, который был ее первым учителем в стихосложении.

Что я поняла, читая новую книгу Александры Малыгиной? Поняла главное: она продолжает писать, она становится более умелой и более зрелой, но — не менее тонкокожей и остро чувствующей все, в том числе и слово. ■